

Книга 1
МЕРТВОЕ

Глава 1

Незнакомка

Ржавчина говорил: «Желай тихо. Твои желания тебя слышат».

Я никогда не задумывалась, что именно это значит. Впрочем, тогда я не задумывалась о многом, а Ржавчина любил вернуть «умную фразу». И чем непонятнее она была, тем больше поражала нас — слушателей — и добавляла самодовольства самому говорившему. Однажды Ржавчина обмолвился, что в семь лет стянул со стола настоятеля книгу «Афоризмы на каждый день». И был так впечатлен своим поступком, что даже научился читать, чтобы расшифровать непонятные символы под обложкой. Ну и понятно, выучил эти фразы наизусть, чтобы потом вставлять по каждому поводу с видом снисходительного превосходства.

Сейчас я отдала бы многое, чтобы рядом оказался Ржавчина и снова брякнул что-нибудь эдакое.

Я по привычке запустила ладонь в волосы и дернула себя за короткие прядки, пытаясь не думать о прошлом. Хотя именно из-за него я сейчас здесь, возле кибитки памяти. Повозка со всех сторон была обклеена

желтыми листьями с нарисованными на них лицами. Я пошла вокруг, всматриваясь: вдруг увижу знакомых?

Порой мне даже казалось, что в ворохе листов мелькают родные черты. И я подпрыгивала, дергала бумагу, смотрела. Но нет. Портреты были чужие. Я никого не узнавала.

— Желаете оформить поиск, красавица? — Ко мне, шаркая, приблизился кибитчик и по совместительству рисовальщик.

Не вытаскивая руку, я пальцами пересчитала в кармане несколько монеток. Скучно. И кто-то сказал бы, что тратиться на никчемный поиск — глупо. И все же...

— Да, — я медленно кивнула.

— Кого рисовать? Вы ищете или вас ищут? — оживился старик. — Прошу сюда.

Он шустро разложил передо мной шаткий тряпичный стульчик, кряхтя, сел на ступеньку кибитки. Изнутри тянуло слегка подгоревшей кашей и жареным луком. Я задумчиво повертела в пальцах монетку, задумавшись над вопросом. Двойной поиск стоит дороже.

И со вздохом положила в коробку с мелками и графитными стержнями два медяка.

— Я ишу. И, надеюсь, ищут меня. Поэтому два портрета. Мой и... одного парня. Правда, последний раз я видела его четыре года назад. Он мог измениться. Но он довольно приметный. Ржавый... Ну то есть... рыжий. Рыжий, да.

Старик кивнул и отложил черный грифель, потянувшись к цветным мелкам.

— По описанию или образу?

— Вы видите образы? — Я подняла брови. Надо же!

Рисовальщик кивнул, а я снова вздохнула. Открывать воспоминания — неприятно, хотя и знаю, что рисовальщик увидит лишь то, что покажу. И все же каждый раз я нервничала и сопротивлялась. К тому же после снова разболится голова, это я тоже знала. Но и портрет получится достоверным, со слов такое невозможно.

— Давайте начнем с вашего портрета, милая, — понятно кивнул старик, и я благодарно улыбнулась.

Работал он быстро. Сухие руки, усыпанные коричневыми пятнышками, порхали над листом дешевой бумаги. Я же пока рассматривала аллею памяти и редких посетителей этого места. Такие аллеи были в каждом городе империи. Здесь стояли столбы с объявлениями о купле, продаже и аренде, предложениями о работе. Здесь же останавливались кибитки с рисовальщиками. Сюда приходили, чтобы поболтать и обсудить новости с приезжим людом.

Я тоже наведывалась на аллею и оставляла портреты на кибитках, надеясь, что это поможет. Но, увы, пока это ни к чему не привело.

Зябкий осенний ветер растрепал мне волосы и забрался под воротник грубого свитера. На самом деле уже пора надевать пальто, одна беда — у меня его нет. Мне нужны обновки: шерстяная юбка взамен полотняной, теплые ботинки, верхняя одежда... И стоит купить все это до наступления морозов. Вот только в моем кармане уныло перекатываются лишь несколько монет, а после аллеи памяти их станет еще меньше. Надо срочно найти другую работу — в магазинчике

старых книг, где я обрела пристанище, платили слишком мало.

Ну или пора уезжать. Вот только куда?

— Готово, красавица, — окликнул меня старик.

Я вздрогнула и перевела взгляд на серый лист. С него смотрело мое отражение. Темные кудряшки до плеч, лицо сердечком, прямой нос и упрямо сжатые губы. Взгляд то ли хмурый, то ли грустный. Художнику удалось поймать даже цвет глаз — темно-серые, тревожные.

— Ого, — удивилась я. — У вас талант!

— Да, я рисовал с детства. А потом повезло, в молодости посчастливилось открыть Дверь, — с гордостью пояснил рисовальщик.

— Дверь? В самом деле? — еще больше изумилась я. От этого слова привычно зазнобило.

— Да, я везунчик, милая госпожа. Правда, пришлось продать родительский дом, чтобы оплатить вход... Но это того стоит, вы ведь понимаете, — он довольно подмигнул. — Благодаря Двериндариуму я прожил прекрасную жизнь, милая госпожа! Жил в столице, пил вино с прекрасными женщинами, любил многих... Один раз мне даже посчастливилось попасть в Лигу Рисовальщиков, вы представляете? Мы расписывали купол в Хранилище Благодати! Если бы вы видели эту божественную красоту!

Рисовальщик закатил глаза и вытянул губы трубочкой, изо всех сил живописуя восторг. Я скрыла улыбку.

— Как же вы оказались в кибитке памяти? Да и Лурден находится довольно далеко от столицы империи.